

В алтаре воцарилось молчание: батюшка запнулся. Он ещё не привык произносить молитву за Россию и за русский народ, помянуть имя другого митрополита. Совсем недавно там, в Луганске, где он родился и где думал умереть, всегда молился за Украину, за местного епископа, «за власти и воинства ея».

Батюшка растерялся и достал листочек с подсказкой, но строчкиплыли. Хотелось рыдать.

Он не думал уезжать, собирался до конца разделить участь своей паствы, но так сложилось. Дом разбомбили, да что там дом, – всё родное селение превратили в полигон. Не стало прихода, и некуда податься: кругом сумятица. Ему ли в ополченцы?..

Отслужил батюшка молебен над пепелищем да и отправился в Россию с детьми, с больной женой. То ли беженцем, то ли «политическим эмигрантом»...

Он здесь и сейчас. Он жив.

А закрой глаза, и вот они, страшные картины... Скоро ли всё это затянется, отлегло? То и дело казалось, вот-вот проснёшься, и нет ничего, а это: бомбёжки, пламя огнёмётов, вой ракет – всего лишь затянувшийся американский боевик...

Против русских на Украине настраивали десятилетиями. Да что и говорить, капля камень точит. Вот и у батюшки после бомбёжек Луганска, случалось, возникала мысль, а как вдруг киевская пропаганда не врёт, и это русские самолёты приносили к ним смерть?.. Но перекрестится, – и сомнения отпускали его.

Он здесь и сейчас. Служит. Ведь это самое любимое дело на свете! На руинах своего прихода он уже и не чаял когда-нибудь воскликнуть: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа!»

Батюшку приняли как родного. Он всё ещё порывался куда-то мчаться, принимать решения по привычке. Но уже все опасности были позади, а от него теперь требовалась лишь сосредоточенная молитва. Здесь мир. Он в России...

Батюшка с облегчением вспомнил, что скоро диакон выйдет на амвон и, помяная всех православных христиан всей вселенской Церкви, живущих на этом свете и покинувших его, произнесёт молитву о водворении мира на Украине. От этих мыслей стало легче.

Батюшка не раз с горечью говорил с амвона пастве: «Не к добру вокруг множатся униаты, баптисты, сайентологи и язычники... Не к добру. Храмов-то много, да чьи они теперь? Не отступайте от веры православной, миленькие! Держитесь! Кто нас хочет уничтожить, спрашиваете? Да мало ли чьими руками, умами и словами действует враг рода человеческого? И не всегда жестоко, он и благо-

творительность любит, и этикет, и здравый смысл, и даже мораль. Христа он не любит и христиан. Комом в горле у него Православие и православные!»

Когда батюшка впервые приехал сюда, весь причет церковный собрался в трапезной, чтобы послушать историю о наблевшем. Ему говорить не хотелось, но все ждали. Когда же выговорился, стало легче. Батюшка взглянул на весь ужас со стороны, вспомнил убитых и раненых и прославил Бога, ведь ему сильно повезло...

В тот вечер засиделись. На улице стемнело, а беседа иссякать не хотела. Одна прихожанка начала восторженно рассказывать о чудесах, о том, что, по слухам, их теперь особенно много на Украине.

Батюшка, естественно, не мог не вразумить:

– Милая моя, чудеса нельзя ни принимать, ни отвергать. Нам неведомо от Бога они или нет. Настоящее чудо – это мир! Настоящее чудо – это любовь среди нас! Любовь – это топливо, Бог нам его в сердца вливает, чтобы мы жили. Чтобы хватило нам самим и нашим ближним, а мы её несправедливо почитаем своим личным приобретением. А это самое настоящее чудо! И этому мы перестали удивляться. Вот заберёт любовь, что мы будем делать? Давайте же поблагодарим за эту милость! – батюшка встал перед иконой, чтобы помолиться и закончить беседу.

Но женщина не унималась:

– Знаю, отче. А Вы всё-таки ничего такого не видели?

Батюшка вздохнул и ответил:

– Настоящее чудо – это то, что у меня семеро здоровых деток. Жена каждого выносила без помощи врачей, а ведь у неё с детства порок сердца!

Воцарилось молчание.

Но женщина снова задала вопрос, правда, уже не так решительно:

– Как же так, Вы молитесь, молитесь, а святые что ж, молчат?! Разве Вам не было утешения?

Батюшка снова сел за стол и начал рассказ:

– Сам я, грешник, ничего не видел. Есть случай, мне его поведал священник-ополченец. Был среди них мусульманин, а потом вдруг попросился креститься с именем Спиридон. Его командир ругает, мол, как я тебя буду по рации вызывать? «Тогда Онуфрием», – говорит тот. – «Нет, давай уж лучше Спиридон». Потом вдруг выяснилось, что день крещения того мусульманина совпал с днём праздника Спиридона Тримифунского. Вот как к нам близки Бог и святые Его! И, кстати, этот парень не ждал чуда, которое после крещения ему всё-таки дано было увидеть. Ребята под каски повязывали ленточки с живыми помощами, так вот одному пуля пробила каску и отрикошетила, вышла обратно из отверстия! На ленточке дырочка, а на лбу шишка. Вот вам сила веры!

– А я от беженцев слышал, сама Божья Матерь там у вас многим является, – аккуратно заметил пономарь.

– Да, и я слышал... – подтвердил батюшка. – Было вроде так. Из алтаря вышла Женщина, очень просто одетая, и говорит: «Постреляют-постреляют и успокоятся». И обратно ушла. Опомнились мужики, как, мол, «баба» в алтаре-то? Кинулись, а там никого.

– И что? – в изумлении, открыв рот, спросила любопытная женщина.

– Как что? А как нас святые отцы учат? Не принимать и не отвергать, – ответил батюшка и улыбнулся.

Беседа пошла о чудесах.

Снова подали чай. Вдруг любопытная женщина вскрикнула. Она выглядела бледной и испуганной: как замороженная с ужасом смотрела на окно возле входной двери. На улице было уже темно, но из окна струилось голубоватое свечение. Все смолкли, наблюдая за необъяснимым явлением.

Тут дверь медленно отворилась.

– Ох! – воскликнул сторож с фонариком в руках, – Думал воры, а это вы тут!..

Батюшка улыбнулся, вдруг сердечно почувствовав, как все эти люди: причт и прихожане, – как все они ему дороги, это его семья, а роднит их Христос. «Национальность наша – христианин, а Родина наша – Небесный Иерусалим», – решил он для себя и облегчённо вздохнул.

В трапезной стало тихо. Прихожане замерли. Ни звука... Всяк задумался: пусть батюшка знает – он дома. Мы же понимаем, ему нелегко...